

Моск. новости - 1999 - 25 - 31 мая - 224

Празднование юбилея «солнца русской поэзии» набирает обороты, пугая масштабами и безвкусицей. Рукотворные памятники поэту множатся, грозя похоронить под монументальными формами то глубоко личное, что соединяет каждого из нас с Пушкиным. И в это время в Москве появляется спектакль, своей иронией снимающий неловкость момента. Кама Гинкас в постановке «Пушкин. Дуэль. Смерть» хотел рассказать о поэте, а рассказал о нас с вами.

Спектакль Гинкаса — вольная композиция. Звучат голоса супругов Нащокиных, Вяземских, тесно друживших с поэтом, Репнина и Соллогуба, которые сами чуть было не стали участниками дуэли с Пушкиным, еще многих. Двенадцать актеров в небольшой комнате разыгрывают для сорока зрителей документальную драму. Документы спорят друг с другом, причем опровергают достоверность сказанного не факты, а интонации. Гинкас вслушивается в эти интонации так тщательно, как другие разбирают черновые рукописи. Он всегда немного прозектор, это даже ли не главное свойство его режиссуры — вскрывать все тайное, запретное и выносить на всеобщее обозрение. Гинкас — тонкий и безжалостный аналитик. Он загоняет мемуаристов в белую комнату, которую можно принять за мертвецкую, и рассаживает их вокруг стола с по-

ВИКТОР БАЖЕНОВ

смертной маской Пушкина. Черно-белые силуэты будто сошли с рисунков поэта на его черновиках. У каждого — своя высокая любовь и своя мелкая выгода.

Вот простодушная Нащокина, то назойливая («А он в Москве всегда у нас останавливался!»), то трогательная в бабей, совсем не дворянской жалости к мужнину другу («Жену свою он боготворил!»). Арина Нестерова в этой роли вносит

теплую, естественную интонацию в чуть холодноватый и умозрительный, как часто бывает у Гинкаса, спектакль. Вот по-петербургски сдержанные Вяземские, которым в этой режиссерской фантазии не слишком повезло: Петр Андреевич, один из ближайших друзей Пушкина и сам, между прочим, значительный поэт, представлен человеком желчным и завистливым. Знакомые герои, знакомые подробности: для

русской читающей публики обстоятельства сватовства Дантеса к сестре Натальи Николаевны или свидание Пушкиной с Дантесом в доме Идалии Полетики, как и другие события, предшествовавшие дуэли, давно уже стали фактами личного, а не исторического свойства. Хор голосов вокруг Пушкина — обвиняющих, рыдающих, насмехающихся — звучит по сей день. И посмотреть на него со стороны поучительно.

ВЫСОКАЯ ЛЮБОВЬ И МЕЛКАЯ ВЫГОДА

«Пушкин. Дуэль. Смерть» в постановке Камы Гинкаса

Сильная метафора в финале — еще один знак режиссуры Гинкаса, напоминающий, что он всю жизнь ставит Чехова, Достоевского и Шекспира. Звучат слова из медицинско-го заключения, и на наших глазах слуга, облаченный в черную с галунами ливрею и белые перчатки, осторожными и уверенными движениями взрезает белоснежную скатерть, обнажая черную полость стола. Мгновенная ассоциация — физиология, анатомичка, вскрытие — перекрывается торжеством чистого театра и режиссерской мысли. Гинкас бесстрашно доходит до конца и не отводит сурового взгляда, даже когда герои его спектакля начнут рвать друг у друга куски этой простыни, как когда-то вырывали у истории право на место рядом с Пушкиным.

Туда, скорее, за ним, спешили они, цепляясь за клочки собственных воспоминаний, за этот стол с посмертной маской поэта, который медленно, с железным грохотом, немолимо взмывал вверх, ускользая из слабеющих пальцев и оставляя их насадне с ложью, слухами, обидами, сплетнями, позднее опровергнутыми или подтвержденными и подробно прокомментированными просвещенными пушкинистами. В сущности, на языке театральных метафор Гинкас предвосхитил главное наше ощущение от нынешних торжеств и юбилейных разборок: не примазывайтесь, господа! Как сказал другой классик: «Покойник этого ужасно не любил!».

Нина АГИШЕВА